

Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями

Бруно Латур

Профессор, директор, Медиалаборатория, Институт политических исследований (Sciences Po). Адрес: 27 rue Saint-Guillaume, 75337 Paris, Cedex 07, France. E-mail: bruno.latour@sciencespo.fr.

Ключевые слова: сеть; актор; топология; контингентность; методология; онтология; семиотика; инфразык; циркуляция.

Автор указывает на ряд распространенных заблуждений касательно акторно-сетевой теории (АСТ), вызванных обиденными употреблениями слова «сеть». Объясняя выбор этого термина, он говорит о смене онтологии, топологии и в конечном счете политики. Сети — конечная точка редукции: буквально нет ничего, кроме сетей, контингентных по своему характеру. Автор тематизирует топологические особенности данного подхода: во-первых, снятие оппозиции дистанции и близости; во-вторых, замену метафоры масштаба метафорой ассоциаций с последующим разрушением оппозиции «микро» и «макро»; в-третьих, стирание различия внутри-снаружи в пользу имманентизма сетей. Шире, АСТ притязает на своего рода беспредпосылочность: отказ от априорных отношений порядка. Топологический аспект сети дополняется онтологическим: сеть это работа, выполняемая акторами, то есть действующими или претерпевающими действие сущностями. Автор акцентирует внимание на том, что следует избегать антропоцентризма

и социоцентризма в понимании этого термина.

Вторая часть статьи посвящена экспликации архитектуры АСТ. Она задается тремя составляющими. Первая — семиотическое понимание конструирования сущностей — позволяет уравнивать акторы независимо от их природы и избавиться от контекста. Распространение семиотики на вещи позволяет использовать пустую методологическую рамку, с помощью которой можно следовать за любыми акторами и разворачивать цепочки ассоциаций, оставаясь при этом между описанием и объяснением. Это вторая составляющая. И наконец, третья — онтологический характер сетей и акторов. Автор развернуто поясняет специфический релятивизм, реляционизм и рефлексивность АСТ и вводит понятие инфразыка. Кроме того, поясняется идея прослеживания/прочерчивания сетей. В заключение, переходя от обсуждения статуса и формы теории к ее тезисам, автор рассматривает сеть как производство и распределение свойств, например «социальности», «текстуальности» и «природности».

ИССЛЕДОВАНИЕ свойств актор-сетей — задача, которую поставила перед собой парижская группа по исследованиям науки и технологий. Однако эту теорию¹ часто не понимали и потому активно злоупотребляли ею. В этой статье я бы хотел перечислить некоторые интересные свойства сетей и объяснить некоторые из возникших заблуждений. Я не буду касаться здесь количественных исследований, особенно так называемого анализа совпадающих слов, — они естественным образом встречают неверное понимание, поскольку сложно в точности уловить социальную теорию и причудливую онтологию, учреждаемые актор-сетью².

Обыденное употребление слова «сеть» и связанные с ним коннотации стали причиной трех заблуждений.

Первое заблуждение — наделение слова «сеть» расхожим техническим значением в смысле канализации, железной дороги, метро или телефонной «сети». Современные технологии нередко имеют характер сети, то есть связанных, но удаленных друг от друга элементов с циркуляцией между узлами. Эта циркуляция становится принудительной вследствие набора обязательных путей, которые придают некоторым узлам стратегический характер. Нет ничего более интенсивно связанного, более дистанцированного, принудительного и стратегически организованного, чем компьютерная сеть. Однако это не имеет отношения к основной метафоре актор-сети. Техническая сеть (в инженерном смысле) является лишь одним из возможных состояний актор-сети — окончательным и стабилизированным. У актор-сети может не быть ни одной из черт технической сети — она может быть локальной и может не иметь обязательных путей и стратегических узлов. Пример из истории: «энер-

Перевод с английского *Александра Писарева* по изданию: © *Latour B.* On Actor-Network Theory. A Few Clarifications Plus More than a Few Complications // *Soziale Welt*. 1996. Vol. 47. P. 369–381. Статья основана на тексте 1990 года.

1. См. обзор в: *Mapping the Dynamics of Science and Technology* / *M. Callon, J. Law, A. Rip* (eds). L.: Macmillan, 1986; изменения в: *Callon M.* La science par conférence de presse // *La Recherche*. 1990. Vol. 21. № 225. P. 1184–1190.
2. *Callon M., Courtial J.-P., Lavergne F.* La Méthode des mots associés. Un outil pour l'évaluation des programmes publics de recherche. Etude pour la National Science Foundation. P.: Ecole des Mines, 1989.

гетические сети», описываемые Томасом Хьюзом³, — это актор-сети в самом начале своего становления, и только некоторые из их стабилизировавшихся элементов станут сетями в инженерном смысле, то есть электросетью. Даже на этой поздней стадии инженерное определение сетей является лишь частным случаем актор-сети.

Второе заблуждение легко преодолеть: акторно-сетевая теория (далее — АСТ) имеет очень мало общего с исследованиями социальных сетей. Эти исследования, какими бы интересными они ни были, занимаются *социальными* отношениями *индивидуальных человеческих* акторов — их частотой, распределением, однородностью, близостью. Они появились как реакция на слишком глобальные понятия вроде института, организации, государства и нации, добавив к ним более реалистичные и менее масштабные наборы связей. Хотя АСТ и разделяет недоверие к таким неопределенным всеохватывающим социологическим понятиям, она стремится описать саму природу обществ. Но сделать это — значит не ограничивать себя только индивидуальными человеческими акторами, а распространить слово «актор» (или актант) на нечеловеческие, неиндивидуальные сущности. Если теория социальных сетей производит знание об отношениях людей в социальном и природном мирах, причем последний остается за пределами анализа, то АСТ пытается объяснить саму суть обществ и природ. Эта теория не добавляет социальные сети к социальной теории, а стремится перестроить социальную теорию на основе сетей. Это настолько же онтология или метафизика, насколько и социология. Конечно, социальные сети будут включены в описание, но они не получат ни привилегий, ни превосходства (и очень немногие из количественных инструментов теории социальных сетей будут признаны пригодными для использования в АСТ).

Зачем же использовать слово «сеть», если его так легко неверно понять? Употребление слова восходит к Дидро. Слово *réseau* («сеть») использовалось им для описания материи и тел, чтобы избежать картезианского дуализма материи и духа. То есть с самого начала оно имело онтологический характер⁴.

Сильно упрощая, АСТ — это смена метафоры для описания сущностей: нити (или ризомы, по Делёзу⁵) вместо поверхностей.

3. Hughes T. P. Networks of Power. Electric Supply Systems in the US, England and Germany, 1880–1930. Baltimore: John Hopkins University Press, 1983.

4. Anderson W. Diderot's Dream. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1990.

5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.

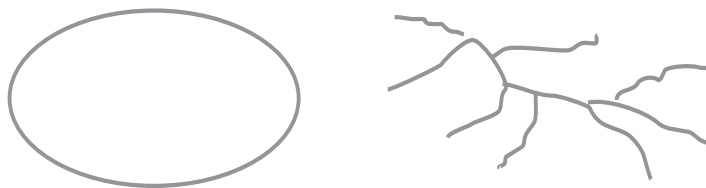

Рис. 1

Точнее, это смена топологии. Вместо мышления в терминах поверхностей (двухмерных) или сфер (трехмерных) предлагается мыслить в терминах узлов, имеющих *столько измерений, сколько у них соединений*. В первом приближении АСТ заявляет, что нововременные общества не могут быть описаны без признания их волокнистого, нитевидного, жилистого, тягучего, вязкого, капиллярного характера, который, в свою очередь, не может быть понят в терминах уровней, слоев, территорий, сфер, категорий, структур, систем. АСТ нацелена на объяснение *эффектов*, для работы с которыми создавались эти традиционные слова, но не принимает связанные с ними онтологию, топологию и политику. Согласно исследователям науки и технологий, разработавшим АСТ, совершенно невозможно понять, что удерживает общество вместе, не вплетая обратно в его ткань факты, произведенные естественными и социальными науками, а также артефакты, созданные инженерами. Во втором приближении АСТ — это заявление, что единственным способом достичь обратного вплетения вещей в наше понимание социальной ткани являются сетевидная онтология и социальная теория.

На интуитивном уровне АСТ — это простой аргумент в пользу материального сопротивления. Силу приносят не концентрация, чистота и единство, а рассеивание, гетерогенность и тщательное плетение слабых связей. Представление о том, что сопротивления, упорства и прочности легче достичь благодаря плетению, шнуровке, прядению, свиванию связей, которые сами по себе слабы, и каждая связь (неважно, насколько она сильна) сама соткана из еще более слабых нитей, пронизывает, к примеру, «микрофизику власти» Фуко и нынешнюю социологию технологии. Менее очевидное философское основание для принятия АСТ — инверсия переднего и заднего планов (фигуры/фона).

Вместо того чтобы начинать с универсальных законов — социальных или естественных — и считать локальные контингентности странными частностями, которые надлежит либо устранить,

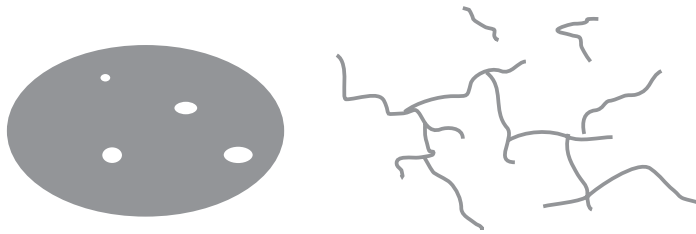

Рис. 2

либо защитить, АСТ начинает с нередуцируемых, несоизмеримых, несвязанных пунктов, которые затем, с большими затратами, иногда обращаются во временно соизмеримые соединения.

Благодаря этой инверсии АСТ схожа с философиями, в которых порядок появляется из хаоса или беспорядка (Мишель Серр, Илья Пригожин и Изабелла Стенгерс)⁶, а также имеет множество практических связей с этнометодологией (Гарольд Гарфинкель, принцип Линча)⁷. Универсальность или порядок — это не правило, а исключение, требующее объяснения. Места (*loci*), контингентности или скопления больше похожи на архипелаги в море, чем на озера, испещряющие землю. Менее метафорично: если универсалисты вынуждены *заполнять* всю поверхность либо порядком, либо контингентностями, то АСТ не пытается заполнить пространство *между* локальными островками порядка или *между* нитями, соотносящими эти контингентности.

Это самый неочевидный аспект АСТ. Буквально нет ничего, кроме сетей, ничего между ними — или, используя метафору из истории физики, нет никакого эфира, в который сети были бы погружены. В этом смысле АСТ — редукционистская и релятивистская теория, но, как я покажу, это первый необходимый шаг к ирредукционистской и реляционистской онтологии.

АСТ использует некоторые из простейших качеств сеток (*nets*), а затем добавляет *актора*, выполняющего определенную *работу* (*work*); добавление такого онтологического ингредиента глубоко меняет сеть. Я начну с самых простых качеств, характеризующих любые сети (*networks*).

6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986; Serres M. Hermes. Literature, Science, Philosophy. Baltimore: John Hopkins University Press, 1983.

7. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007; Lynch M. Art and Artifact in Laboratory Science. A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory. L.: Routledge, 1985.

Далеко/близко. Первое преимущество мышления в терминах сетей заключается в освобождении от «тирании» дистанции или близости. Элементы, которые близки, когда разъединены, могут оказаться бесконечно удалены друг от друга, если подвергнуть анализу их соединения; и наоборот, элементы, казавшиеся бесконечно удаленными друг от друга, могут оказаться близкими при рассмотрении их соединений. Я могу быть в одном метре от кого-то в соседней телефонной будке и, несмотря на это, гораздо ближе к моей маме, находящейся в 6000 миль от меня. На Аляске олень может находиться в десяти метрах от самки, и, несмотря на это, они могут быть разделены нефтепроводом длиной 800 миль, делающим их спаривание невозможным. Мой сын может сидеть в школе рядом с арабским сверстником, но, несмотря на эту непосредственную близость в первом классе, они могут разойтись по мирам, которые в старших классах станут несоизмеримыми. Газопровод может находиться в земле рядом с телевизионным кабелем и канализационной трубой, но каждый из них тем не менее будет игнорировать лежащие рядом параллельные миры. Трудность, с которой мы сталкиваемся при определении всех соединений в терминах сетей, обусловлена преобладанием географии. Кажется очевидным, что мы можем противопоставить близость и связи. Однако понятие географической близости порождено наукой (географией), профессией (географами) и практиками (картографическими системами, измерениями и триангуляциями). Их определение близости и расстояния бесполезно для АСТ или должно быть включено в нее как определенный тип связи, тип сетей, как мы увидим далее. Все определения в терминах поверхностей и территорий рождаются из чтения карт, начерченных и заполненных географами. Вне географов и географии, «между» их собственными сетями нет никакой близости или удаленности, которую нельзя было бы определить через способность к соединению. Географическое понятие является просто еще одним подключением к координатной сетке, задающей метрику и масштаб⁸. Понятие сети позволяет нам свергнуть тиранию географов в определении пространства, оно обозначает не социальное и не «реальное» пространство, а всего лишь связи.

8. *Jacob C. L'empire des cartes. Approche theorique de la cartographie a travers l'histoire.* P.: Albin Michel, 1992.

Рис. 3. а дальше от b, чем от e, если принять во внимание связи; близость a и b или c и d обусловлена соединениями, установленными координатной сеткой и работой географов; наложение этой сетки и создание карт — это еще одна сеть, а не то, в чем сети находятся

Большой масштаб/малый масштаб. Понятие сети позволяет нам избавиться от различия между «микро» и «макро», которое беспокоило социальную теорию с самого начала. Вся метафорика масштабов, проходящая от индивидов до национальных государств через семью, род, группы, институты, заменяется метафорой связей. Одна сеть никогда не *больше* другой, она просто *длиннее* или сильнее связана. У модели большого/малого масштабов есть три черты, доказавших свою разрушительность для социальной теории: (1) эта модель привязана к отношению порядка, идущему сверху вниз или снизу вверх — как если бы у общества и правда были эти верх и низ; (2) она предполагает, что элемент *b*, принадлежащий макромасштабу, имеет иную природу и потому должен изучаться иначе, нежели элемент *a*, принадлежащий микромасштабу; (3) она совершенно неспособна проследить, как элемент превращается из индивидуального *a* в коллективный *b* и обратно.

Понятие сети влечет за собой совершенно другую социальную теорию: у нее нет априорных отношений порядка; она не привязана к аксиологическому мифу верха и низа общества; она не предполагает никаких допущений по поводу того, к какому масштабу, микро- или макро-, принадлежит конкретное место (*locus*), и не меняет инструменты в зависимости от изучения *a* или *b*. Таким образом, у понятия сети нет трудностей с прослеживанием трансформации бедного на связи элемента в элемент, имеющий много связей, и *обратно*. Оно идеально подходит для прослеживания смены масштабов, так как не требует от исследователя ограничивать свой мир каким-либо априорным масштабом. Масштаб, то есть тип, число и топография соединений, зависит от самих акторов. Понятие сети позволяет нам избавиться от тирании социальных теоретиков и вернуть себе возможность маневра между

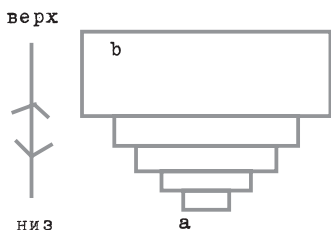

Рис. 4

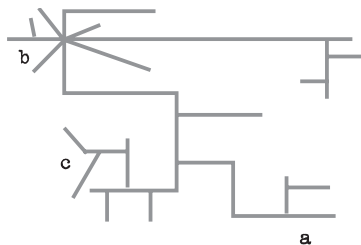

Рис. 5

ингредиентами общества — его вертикальным пространством, иерархией, стратификацией, макромасштабом, цельностью, всеохватывающим характером — и тем, как эти составляющие производятся и из чего они сделаны. Освобождая от необходимости выбирать между локальной и глобальной точками зрения, понятие сети позволяет нам думать о чем-то глобальном (в высшей степени связанном), но остающемся постоянно локальным... Вместо противопоставления индивидуального уровня массе или агентности — структуре мы просто прослеживаем, как данный элемент становится стратегическим благодаря количеству связей, которыми он управляет, и как он теряет важность, теряя эти связи.

Внутри/снаружи. Понятие сети позволяет нам избавиться от третьей пространственной размерности (после первых двух — далеко/близко и крупномасштабное/мелкомасштабное). Поверхность имеет внутреннюю и внешнюю стороны, разделенные границей. Сеть сама является границей без внутреннего и внешнего. Единственное, что можно спросить, — устанавливается ли связь между двумя элементами. Поверхность «между» сетями либо связана (но тогда сеть расширяется), либо ее нет. У сети буквально нет ничего внешнего. Это не фигура на фоне и не трещина в твердой почве, а, скорее, делёзовская вспышка молнии, создающая одним ударом и фон, и фигуру⁹. Понятие сети делает возможной значительную экономию мышления: нам больше не нужно заполнять пространство между связями. Используя компьютерную метафору, нам больше не нужна «заливка цветом», знакомая пользователям *MacPaint*, чтобы «заполнить» пространство. Сеть — это позитивное понятие, не нуждающееся в негативности, чтобы быть понятым. У него нет тени.

9. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998.

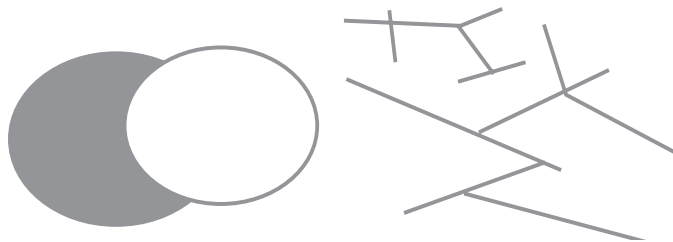

Рис. 6

Благодаря своим топологическим характеристикам понятие сети позволяет нам перетасовать пространственные метафоры, делавшие изучение общества–природы таким сложным: близкое и далекое, верх и низ, локальное и глобальное, внутри и снаружи. Они заменяются ассоциациями и связями (как я покажу дальше, для АСТ нет нужды определять их как социальные, или природные, или технические). Это не значит, что нет «макро»-общества или «внешней» природы, в чем часто обвиняют АСТ. Дело в другом: чтобы получить *эффекты* дистанции, близости, иерархий, связности, внешнего и поверхностей, необходимо проделать огромную *дополнительную* работу¹⁰. Однако сама эта работа не ограничивается топологическим понятием сети, сколь бы изощренным мы ни хотели его сделать. Вот почему АСТ добавляет к математическому понятию сети совершенно чуждое понятие актора. Новый гибрид «актор–сеть» уводит нас от математических свойств в мир, который еще не размечен столь четко. Чтобы сделать набросок качеств этого мира, нам придется перейти от статичных и топологических характеристик к динамичным и онтологическим.

В математике или инженерном деле сеть — это нечто, что прочерчивается или записывается другой сущностью — математиком или инженером. Актор–сеть — это сущность, *производящая* след и запись. Это работа по онтологическому определению, а не пассивная материя в руках других, особенно человеческих проектировщиков и дизайнеров. Чтобы подчеркнуть этот важный аспект, и было добавлено слово «актор».

Подобно слову «сеть», это слово было понято неверно. В англо-саксонской традиции «актор» — это всегда человеческий, интенциональный, индивидуальный актер, чаще всего противопоставляется просто «поведению». Если добавить такое понима-

10. Latour B. Flat-Earthers and Social Theory // Accounting and Science: Natural Inquiry and Commercial Reason / M. Power (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. xi–xviii.

ние актора к социальному определению сети, то это будет верхом непонимания: индивид (обычно мужчина), жаждущий обрести власть, создает сеть союзников и расширяет свою власть, «сплетая сети» (*networking*) или «поддерживая связи». Увы, именно так чаще всего представляют АСТ — это как если бы сказали, что ночное небо темно, потому что астрофизики доказали наличие в нем большой черной дыры. «Актор» в АСТ понимается семиотически (актант): это то, что действует самостоятельно или чье действие обусловлено другими. Это понимание *не* предполагает с необходимостью ни *человеческих индивидуальных* акторов с их особой мотивацией, ни людей в целом. Актант может быть буквально чем угодно при условии, что он точно выступает источником действия. Хотя этот тезис проговаривался не раз, антропоцентризм и социоцентризм столь сильны в социальных науках (как и в критике социальных объяснений), что каждое применение АСТ толковалось так, будто она говорила о нескольких сверхлюдях, жаждущих власти и не останавливающихся ни перед чем на пути к своим безжалостным целям. Даже мое сетевое исследование Пастера¹¹, несмотря на длинную онтологическую вторую часть, зачастую неверно понималось как своего рода Мэдисон-авеню¹² науки, что несправедливо не только по отношению к моему подходу, но и по отношению к Мэдисон-авеню. Если критика и может быть направлена на АСТ, то, наоборот, за ее полное безразличие к созданию модели человеческой способности. В АСТ нет никакой модели (человеческого) актора, как нет и какого-либо базового списка способностей, который был бы с самого начала задан. Все потому, что человек, самость и социальный актер традиционной социальной теории не входят в повестку АСТ.

А что на повестке? *Приписывание* человеческих, не-человеческих и внечеловеческих характеристик; *распределение* этих качеств среди сущностей; устанавливаемые между ними *связи*; *циркуляции*, вызываемые этими приписываниями, распределениями и связями; *трансформация* этих приписываний, распределений и связей, множества циркулирующих элементов и немногих способов, которыми они направляются.

11. Латур Б. Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета, 2015.

12. Начиная с 1920-х годов на Мэдисон-авеню концентрировались главные офисы ведущих рекламных агентств, из-за чего название улицы стало ассоциироваться с рекламной индустрией в целом, а также с отдельным направлением в рекламной методологии, ориентирующимся на эмоциональное воздействие на клиента и потребителя. — *Прим. ред.*

Сложность в понимании АСТ заключается в том, что она создана соединением трех до того не связанных линий:

- 1) семиотического понимания конструирования сущностей;
- 2) методологической рамки для записи гетерогенности такого конструирования;
- 3) онтологического тезиса о «сетевом» характере самих актантов.

АСТ утверждает, что ограничения этих трех несвязанных элементов устраняются тогда и только тогда, когда они сплавляются в объединенную практику исследования.

Семиотика — необходимый шаг в этой аванюре, ведь если вы заключаете в скобки вопрос о референции и социальных условиях производства (то есть Природу «вовне» и Общество «здесь»), то в первом приближении остается производство значений, или дискурс, или текст. Это главное достижение 1960-х годов и их «лингвистического», или «семиотического», поворота. Вместо того чтобы быть просто средствами коммуникации между природой и человеческими акторами, способы производства значений превратились в единственно важный для изучения предмет. Перестав быть непроблематичными, они стали неясными. Задача теперь состояла не в том, чтобы сделать их прозрачными, а в том, чтобы признать и смаковать их густую, насыщенную, многослойную и сложную массу. Из простых *проводников* они превратились в *посредников*. Из средства значение было превращено в цель. В течение 20 лет лучшие умы были заняты исследованием всех последствий этого масштабного поворота от наивной модели коммуникации. Их зачастую структуралистские интерпретации были демонтированы, но остался ящик с инструментами для изучения производства значений. АСТ отбирает из этого ящика то, что может помочь в понимании конструирования сущностей. Главная идея в том, что каждая вещь, включая самость, общество, природу, любое отношение и действие, может быть понята как «выбор» или «отбор» все более тонких ветвлений, идущих от абстрактных структур (актантов) к конкретным (акторам).

Очерченная таким образом траектория производства дает необычайную свободу анализа по сравнению с возможностями обедненного «социального словаря», использовавшегося ранее и теперь снова вернувшегося в моду. Конечно, АСТ не сохраняет структурные описания этих выборов (различий) и ветвлений (дихотомий), но существенные черты семиотики остаются. Во-пер-

вых, наделение актора человечностью, коллективностью, анонимностью, зооморфностью, аморфностью или материальностью *семиотически равнозначно*. Разными будут последствия и жанры, но не *работа* по приписыванию, вменению и распределению действий, отношений, способностей, исполнений и отношений. Во-вторых, акторы понимаются не как фиксированные сущности, а как потоки, циркулирующие объекты, разворачивающиеся испытания. Их стабильность, непрерывность, изотопии должны быть достигнуты другими действиями и другими испытаниями. Наконец, сохраняется важная семиотическая практика наделения текстов и дискурсов способностью определять свой контекст, автора (в тексте), *роль* читателя и даже свои границы и метаязык. Все проблемы исследователя переносятся в «сам текст», и ему запрещается выход за его пределы — в контекст¹³. Долой интерпретацию! Долой контекст! Девизы 1960-х и 1970-х годов («Все есть текст!», «Есть только дискурс!», «Нарративы существуют самостоятельно!», «У нас нет доступа ни к чему, кроме рассказов!») сохраняются в АСТ, но избавляются от своих онтологических следствий. Однако это спасение достигается не ценой возвращения к здравому смыслу, предшествующему урокам деконструктивизма («все же здесь есть социальный контекст, а там — природа»), но благодаря *распространению* семиотического поворота на пресловутые природу и контекст, которые этот поворот сам в первую очередь заключил в скобки.

Ключевое изменение этих лозунгов произошло, когда в АСТ семиотика была направлена на научные и технические дискурсы, особенно на научные тексты. Пока предметом изучения была художественная литература, мифы, массовые культуры, мода, религии и политический дискурс, можно было придерживаться «семиотического поворота» и считать их множеством «текстов». Ученые во всяком случае не верили в них всерьез, и потому по отношению к ним легко возникали интеллектуальная дистанция и скептицизм, в то время как двойное сокровище «сциентизма» и «социализма» в их сердце оставалось нетронутым. А как насчет научной истины и материальной эффективности? Как обстоит дело с референцией «вовне» в научных, более того, в естественно-научных текстах? Это стало настоящей проверкой для семиотики, и, хотя она прошла испытание, за это пришлось заплатить. В практике АСТ область семиотики была расширена, чтобы

13. Greimas A. On Meaning. Selected Writings in Semiotic Theory. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1976.

задать совершенно пустую рамку, которая позволила следовать любым сборкам гетерогенных элементов, в том числе «естественных» сущностей науки и «материальных» сущностей технологий. Таков второй аспект АСТ: это *метод* для описания разворачивания ассоциаций, подобно тому как семиотика — метод описания траектории производства любого нарратива. Этот метод говорит не о форме сущностей и действий, а о том, каким должно быть записывающее устройство, которое бы позволило подробно описать сущности.

АСТ переносит центр тяжести теории на *запись*, а не на специфические формы, подлежащие записи. Когда она утверждает, что акторы могут быть человеческими или не-человеческими, что они бесконечно сгибаемы¹⁴ и гетерогенны, что они обладают свободой соединения и не знают разницы масштабов, что нет инерции, порядка, что они строят собственную временность, — все это не определяет никакой реально *наблюдаемый* объект, а является необходимым условием возможности *наблюдения* и регистрации акторов. Вместо постоянных предсказаний того, как акторы должны будут вести себя и какие соединения возможны априори, АСТ вообще не делает никаких допущений и, дабы остаться нейтральной, вынуждена вводить свой инструментарий, настаивая на бесконечной сгибаемости и абсолютной свободе. АСТ сама по себе *не* больше теория действия, чем картография — теория формы береговых линий и морского дна. Она лишь предлагает наблюдателю набросок того, что необходимо допустить, чтобы зафиксировать береговые линии с их утонченными фрактальными узорами. Возможна любая форма, если она закодирована как долгота и широта. Аналогично любая ассоциация возможна, если она закодирована как гетерогенные соединения, установленные через перевод. АСТ — это скорее инфразык, чем метазык. Она даже меньше, чем дескриптивный словарь; она просто открывает, *вопреки* всем априорным редукциям, возможность описания ирредукций. Однако АСТ не просто эмпирическая теория, ведь, чтобы задать такое нередуцируемое пространство для разворачивания сущностей, необходимо взять на себя сильные теоретические обязательства и занять сильную полемическую позицию, которая запретит исследователю диктовать акторам, что им следует делать.

14. *Pliability* — отсылка одновременно к «складке» Делёза (*pli*; соответственно — гибкость, складчатость) и к переговорам между акторами (соответственно — сговорчивость, уступчивость). — *Прим. ред.*

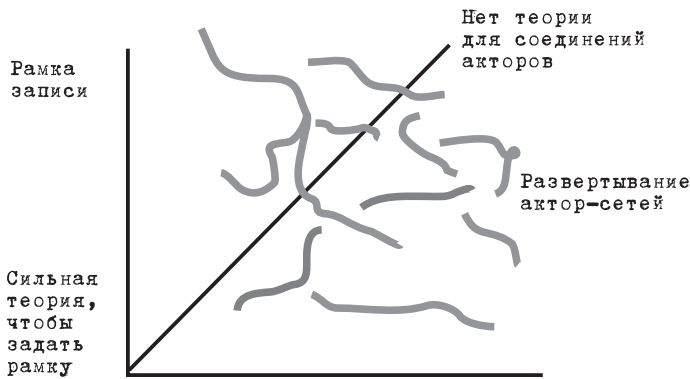

Рис. 7. Такая сильная теория для рамки записи вкупе с отсутствием теории среднего уровня для описания является еще одним источником непонимания: АСТ обвиняется либо в догматичности, либо в простом дескриптивизме. По той же причине ей ставится в вину утверждение, что акторы «реально» бесконечно гибки и свободны, или, наоборот, то, что она не говорит о том, каковы цели человеческих акторов на самом деле¹⁵

Первые два элемента — семиотика и методология — сами по себе открыты для критики. Первый — потому что нельзя согласиться с тем, что заключение в скобки социального контекста и референции решает проблему значения, несмотря на устаревшие утверждения 1970-х годов. Второй — потому что простое развертывание форм соединений, быть может, и является стоящей дескриптивной задачей, но не дает никакого объяснения. АСТ избегает критики, только когда к первым двум добавляется третий аспект и сети обретают онтологическое значение. Из-за своей причудливости этот ход ускользал от внимания многих исследователей, практиковавших АСТ. Это прискорбно, ведь, если этот ход пропущен, АСТ теряет свой радикальный характер и вскоре начинает вполне соответствовать здравому смыслу.

Слабость семиотики всегда заключалась в том, что производство значения рассматривалось независимо от того, какова на самом деле природа сущностей. Однако когда семиотика была распространена на природу и не-человеческие сущности вышли на сцену, то вскоре оказалось, что слова «дискурс» или «значение» можно отбросить, не рискуя впасть в наивный реализм и наивный натурализм. Лишь потому, что семиотики изучали тексты,

15. Lee N., Brown S. Otherness and the Actor-Network: the Undiscovered Continent // American Behavioral Scientist. 1994. Vol. 37. № 6. P. 772–790.

прежде всего литературные, а не вещи, они чувствовали необходимость ограничиваться сферой «значения». Как следствие, они в духе сциентизма верили в существование вещей вдобавок к значению, не говоря уже об их вере (которая возникала всегда, когда это было удобно) в старый добрый социальный контекст. Но семиотика вещей — это просто, нужно лишь выбросить из семиотики значение... Если понимать семиотику как строительство путей, конструирование порядка или создание направлений, то не нужно уточнять, что именно анализируется — язык или объекты. Такой ход сообщает новую связность практикам, которые считались различными при работе с языком и «символами» или с навыками, работой и материей. Можно сказать, что этот ход либо придает вещам достоинство текстов, либо текстам — онтологический статус вещей. Важно то, что это наделение, а не редукция и что новый гибридный статус наделяет *все сущности* активностью, разнообразием и циркулирующим существованием, признаваемыми в исследованиях персонажей текстов, *а также* реальностью, прочностью и экстериторностью вещей «вне» наших репрезентаций. Тем самым устраняется абсолютное различие между репрезентацией и вещами. Но как раз это различие АСТ хочет перераспределить с помощью, как я его называю, «контр-коперниканского переворота».

Благодаря этому первому решению (расширение семиотики на вещи вместо ограничения ее значениями) снимается и вторая трудность — построение пустой методологической рамки для регистрации описания. Актор-сети соединяются, и, соединяясь друг с другом, они обеспечивают объяснение самих себя, единственно приемлемое для АСТ. В чем заключается объяснение? Присоединение одного множества практик, контролирующего другие или влияющего на них. Нет объяснения более строгого или сильного, чем установление соединения несвязанных элементов или демонстрация того, как один элемент удерживает множество других. Это не качество, *отличное* от самой сети, а одно из ее основных свойств¹⁶. Сети становятся более или менее объяснимыми по мере своего развертывания и в зависимости от того, что они делают друг с другом. Акторы приводят в порядок свой собственный беспорядок. Отдав им все, вы получаете от них назад утраченную способность объяснения. Само разделение между описанием и объяснением («как?» и «почему?»), слепым эмпиризмом и тео-

16. Латур Б. Политика и объяснение: альтернатива // Социология власти. 2012. № 8. С. 113–143.

ретизированием так же бессмысленно для АСТ, как различие между гравитацией и пространством — для теории относительности. Каждая сеть по мере своего роста захватывает объяснительные ресурсы вокруг себя, и нет способа отделить их от ее роста. Не нужно выпрыгивать из сети наружу, чтобы создать объяснение (причину, фактор, множество факторов, серии совместных появлений), нужно просто *расширить* сеть дальше. Каждая сеть окружает себя собственной системой отсчета, собственным определением роста, референции, упорядочивания, объяснения. В этом процессе система отсчета исследователя исчезает не больше, чем система отсчета физика в эйнштейновском мире. Наоборот, она, наконец, может расширить себя, но — заплатив цену. Система [отсчета] становится, как и в общей теории относительности, «моллюском отсчета» (в противовес изолированности галилеевской системы), и каждое объяснение должно быть пересчитано с помощью акторно-сетевого эквивалента преобразований Лоренца в призме Минковского¹⁷. Объяснение невозможно, если сеть не расширяет себя. Это не противоречит задаче науки по объяснению и воспроизводству принципа причинности, ведь благодаря самим исследованиям строгих наук мы знаем, что ни одно научное объяснение явления и никакая причинность невозможны без расширения сети (см. ниже аргумент о метрологии). Привязывая объяснения к самой сети, АСТ не предаёт цель науки, так как показывает, что эта цель никогда и не была достигнута, по крайней мере с помощью эпистемологического мифа объяснения. АСТ не может лишить себя блага, которого, как она показывает, ни у кого и не было. Объяснение развернуто подобно гравитации в искривленном пространстве Эйнштейна, оно все еще присутствует как эффект, но теперь неотлично от описания и развертывания сети.

Эта релятивистская позиция — хотя стоит взять менее нагруженный термин «реляционистская» — решает две проблемы: историчности и рефлексивности.

Разрушается дорелятивистское противопоставление объяснения и «всего лишь» документирования исторических обстоятельств: нет разницы между объяснением и рассказом о том, как сеть окружает себя новыми ресурсами. Если она, как часто заявляют критики, «избегает социально-исторических случайностей», то это просто значит, что другие, более длительные ресурсы были

17. Latour B. A Relativistic Account of Einstein's Relativity // Social Studies of Science. 1988. Vol. 18. № 1. P. 3–44.

Каждая актор-сеть
для объяснения строит
свою систему отсчета
и метаязыковые ресурсы

Строить
систему отсчета —
значит расширять сети

Система наблюдателя —
одна из многих

Рис. 8. Моллюск отсчета

собраны вокруг (этимология обстоятельств). Исследованные Хьюзом¹⁸ энергетические сети растут, и благодаря самому росту они все больше становятся собственным объяснением; не нужно никакого витающего над ними объяснения *помимо* их исторического роста. Сети Броделя и мировые экономики растут, и они суть то, из чего сделаны «масштабные причины». Не нужно добавлять к ним Капитализм или Дух эпохи, разве что в качестве еще одного резюме, еще одной пунктуализации самих сетей. Причина или обозначает практики, привязанные к описываемой сети (это и означает рост сети), или нерелевантна и буквально является лишь *словом* «причина», добавляемым к описанию. В этом смысле АСТ предоставляет истории ее легитимное место, и это вовсе не теплое и насиженное благоразумными историками место, удаленное от онтологических вопросов на безопасное расстояние. Нет ничего лучше и надежнее, чем обстоятельное описание сетей. «Просто исторически сложилось».

Но такое резюме было бы истолковано как историзм, если бы не было понято как определение вещей самих по себе. Спор между историзмом и объяснением (или теорией) был неразрешим, пока, с одной стороны, была история людей, случайностей, того, что существует «во времени», а с другой — теория или наука о вневременном, вечном, неизбежном. Для АСТ есть только наука о контингентном. Что же касается необходимости, то она является локальным эффектом роста сети. Если есть история вещей, тогда споры между описанием и объяснением, или историчностью и теорией, полностью устраниваются. Для АСТ это не доказательство слабости ее объяснительных возможностей, ведь для сети

18. Hughes T. P. *Networks of Power: Electrification in Western Society, 1880–1930*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1993.

описание или фиксация и есть то, чем является и всегда было объяснение или толкование даже в так называемых естественных науках¹⁹.

Хотя рефлексивность и не является основной целью АСТ, она добавляется как бонус, как только системы отсчета возвращаются самим акторам и как только им возвращается возможность нарушать священную границу между вещами и репрезентациями²⁰. В релятивистской теории рефлексивность рассматривается как проблема, поскольку оказывается, что наблюдатель или требует себе статус, который не признает за другими, или так же молчалив, как и остальные, которым отказано в привилегированном статусе. Однако эта проблема исчезает вместе с эпистемологическим мифом внешнего наблюдателя, предоставляющего объяснение в дополнение к «просто описаниям». У наблюдателя больше нет никакой привилегии, но в ней никогда и не было нужды. Наблюдатель — чем бы он ни был — обнаруживает себя на равных со всеми остальными системами отсчета. Это вовсе не значит, что он обречен на отчаяние или замкнутость на себе, ведь отсутствие привилегированного статуса никогда не ограничивало экспансию и интеллект акторов. Миростроитель среди миростроителей, в своем разрыве с галилеевской системой отсчета он видит не трагические *ограничения* знания, а только *ресурсы*. Чтобы присоединить еще одну систему отсчета, наблюдатель, подобно любым другим акторам, вынужден работать и заплатить определенную цену. Чтобы объяснять, рассматривать, наблюдать, доказывать, утверждать, господствовать и видеть, он должен двигаться и работать, или «строить сети» (*network*). Отсутствие привилегий также означает отсутствие априорных границ знания. Если одни акторы способны объяснять другие акторы, то на это способен и наблюдатель. А если не способен, то он все равно может попытаться. История, риски и авантюры являются частью построения сети наблюдателем. Таково решение проблемы рефлексивности акторно-сетевой теорией.

Рефлексивность — это не «проблема», не камень преткновения на пути к знанию и не тюрьма, в которую были бы заключены все инициативы, а страна возможностей, наконец открытая для акторов — первых среди равных или добивающихся равен-

19. Latour B. Do Scientific Objects Have a History? Pasteur and Whitehead in a Bath of Lactic Acid // Common Knowledge. 1996. Vol. 5. № 1. P. 76–91.

20. Ashmore M. The Reflexive Thesis. Wrighting Sociology of Scientific Knowledge. Chicago: University of Chicago Press, 1989.

ства или первенства наравне с остальными. Конечно, АСТ отказывается от «многоразового» метаязыка, но это не такая уж большая потеря, ведь демонстрировавшие богатый метаязык наблюдатели обычно были маленькими точками, ограниченными очень специфическими местами — кампусами, студиями, переговорными. За перемещение от одного места к другому АСТ платит тем, что метаязыков столько же, сколько систем отсчета. Единственный требующийся метаязык (см. элемент 2 выше) было бы вернее назвать *инфразыком*. Он должен быть бедным, ограниченным, кратким и простым — эквивалентом лоренцевых преобразований. В АСТ он называется переводом²¹. Этого инфразыка достаточно, чтобы двигаться от одной сети к другой, и всякое объяснение всегда будет одноразовым, выкроенным исключительно для текущей проблемы (например, принцип Линча, «одноразовые объяснения» Каллона, «пересечения между экспланандумом и экспланансом» у Серра²²). Если же объяснение имеет более широкое применение, это значит, что оно перемещается по расширяющейся сети.

Это решение становится общим местом, как только принимается, что пояснение, объяснение или доказательство всегда добавляется к миру и ничего не вычитает. Сторонники рефлексивности, как и их до-релятивистские соперники, мечтают об изъятии знания из вещей в себе. АСТ продолжает добавлять вещи к миру, и принцип отбора заключается не в соответствии или несоответствии объяснения реальности — эти дуалистические иллюзии были развеяны, — а в том, удастся ли перемещаться от одной сети к другой. Никакой метаязык не позволит вам так путешествовать. Отбрасывая мечты эпистемологов, АСТ не сводится к моральному релятивизму, а занимает более сильную деонтологическую позицию: либо объяснение ведет вас ко всем остальным объяснениям (и это хорошо), либо оно постоянно прерывает движение, допуская удаленные и чужие системы отсчета (и это плохо). Либо объяснение умножает посредников между любимыми двумя элементами (и это хорошо), либо устраняет и объединяет посредников (и это плохо). Либо это редукционизм (и это плохие новости), либо ирредукционизм (и это высший этический стандарт для АСТ). Мы увидим, что этот критерий гораздо более разборчив, чем тяга к эпистемологической чистоте, основаниям или моральным нормам.

21. *Latour B. A Relativistic Account of Einstein's Relativity.*

22. *Serres M. Conversations on Science, Culture and Time with Bruno Latour.* Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1995.

Опираясь на семиотический поворот, АСТ в первую очередь заключает в скобки общество и природу, чтобы сосредоточиться только на производствах значений. Затем, устраняя исходные ограничения семиотики, но не теряя ее инструментарий, АСТ наделяет активностью семиотических акторов, превращая их в новые онтологические гибриды — миростроителей. Совершая эту контр-коперниканскую революцию, АСТ выстраивает совершенно пустую рамку для описания того, как любая сущность строит свой мир. Наконец, из дескриптивного проекта она сохраняет лишь несколько терминов (его инфразык), которых как раз достаточно, чтобы перемещаться между системами отсчета, а также возвращает актерам способность конструировать объяснения друг друга самым способом своего поведения. Выстраивание всеобъемлющего объяснения (для АСТ это центр вычислений, который удерживает, перемещает или пунктуализирует всех остальных) заменяется поиском развертываний, то есть распаковыванием как можно большего количества объясняемых элементов с помощью как можно большего количества метаязыков.

Теперь, когда мы набросали основные топологические качества сетей и выделили основные онтологические характеристики акторов, несложно заметить, что АСТ — не о *проложенных* сетях, а о деятельности по *прочерчиванию* сетей. Как я говорил выше, нет сети и актора, учреждающих сеть, все дело в акторе, чье определение мира набрасывает, отслеживает, очерчивает, изображает, описывает, предсказывает, вписывает, архивирует, выписывает, записывает, маркирует или отмечает траекторию, называемую сетью. Никакая сеть не существует независимо от самого акта ее прослеживания, а прослеживание сети никогда не осуществляется актором, находящимся вне этой сети. Сеть — это не вещь, а записанное движение вещи. Теперь вопросы, к которым обращается АСТ, изменились. Дело больше не в том, является ли сеть репрезентацией или вещью, частью общества, дискурса или природы, а в том, что движется и как это движение записывается.

Нельзя сказать, что *внутри* сетей движутся информация, гены, машины, байты, обращения, слова, силы, мнения, утверждения, тела или энергия, потому что АСТ претендует также на реконструкцию сетей до появления всякого различия между тем, что циркулирует внутри, и тем, что, так сказать, извне удерживает циркулирующее на траектории. Повторюсь, техническая метафора сетей была навязана АСТ позднее, она не охватывает деятель-

ность по прочерчиванию. Циркулирующее должно определяться подобно циркулирующему объекту в семиотике текстов, особенно научных текстов²³. Оно определяется данной ему способностью, испытаниями, через которые оно проходит, исполнениями, которые ему позволено продемонстрировать, связями, с которыми оно вынуждено мириться, получаемыми санкциями, фоном, на котором оно циркулирует, и т. д. Его изотопия, то есть его постоянство во времени и пространстве, — это не свойство его сущности, а результат решений, принятых с помощью нарративных программ и нарративных путей.

Впрочем, такое классическое определение ограничило бы АСТ миром текста и дискурса. Что происходит, когда циркулирующий объект покидает пределы текста? Традиционный ответ сводится к тому, что между текстом и контекстом зияет пропасть. Предполагается, что на их границе разворачивается драматическое испытание, проходя через которое циркулирующий объект оценивается путем проверки его социального интереса или соответствия референту. Но все совсем не так для АСТ, которая не признает это различие, поскольку распространяет производство значения на все формы производства. Для АСТ эта пропасть — не более чем легкий сбой где-то в сети. Она является артефактом прежнего разделения природы, общества и дискурса. АСТ же, напротив, видит непрерывность, множественность подключений между циркулирующими в тексте объектами, утверждениями вне текста в «социальном» и тем, что сами актанты реально делают в «природе». Циркулирующий объект продолжает циркулировать и поддерживать свою изотопию благодаря тому, что делают с ним другие акторы. «Общество» и «природа» обладают теми же сетеподобными свойствами, что и тексты. Было бы точнее сказать, что для АСТ эти три категории суть произвольные разделяющие точки в непрерывном прослеживании действий. Еще более правильным было бы показать, каким образом эти категории сами являются частью множества испытаний, событий и ресурсов, используемых, чтобы приписывать «текстуальность», «социальность» или «природность» тому или иному актору. Они — то, что распределяется, а не то, что осуществляет распределение.

Для описания этого общего движения нет готового слова. Сказать, что это обобщенная траектория нарратива, значило бы не-

23. *Bastide F. The Iconography of Scientific Texts: Principle of Analysis // Representation in Scientific Practice / M. Lynch, S. Woolgar (eds). Cambridge: MIT Press, 1990. P. 187–230.*

медленно превратить все в тексты. Сказать, что это сила, энергия, ген или система культура-ген, значило бы натурализовать все, включая общество и дискурсы. Сказать, что это социальный интерес, социальное действие или труд, значило бы распространить общество на природу и тексты. Именно для разрешения этого важного затруднения АСТ заигрывала с обобщенной симметрией²⁴ и сделала принципом использование любых слов одной из трех областей для описания двух других, демонстрируя, таким образом, непрерывность сетей и полное пренебрежение искусственными разрывами, вводимыми до-релятивистами. Однако это решение коварно, так как может объединить в себе все заблуждения. Именно это и произошло с АСТ: и читатели, и практики теории *в один голос* утверждают, что это аргумент социального конструктивизма, или возвращение натурализма, или типично французская вера в безграничную экспансию текста... Эти утверждения, конечно, имеют смысл, но лишь постольку, поскольку АСТ — это одновременно отказ от натурализации, социализации и текстуализации. АСТ утверждает, что все эти «X-лизации» должны быть устранены разом, и задача не будет выполнена, если одна из них возьмет верх или все три будут тщательно ограничены. Все «X-лизации» заполняют то, что «между» сетями, и неважно, какая из них выбирается или отбрасывается, ведь у сетей нет никакого «между», которое можно было бы заполнить.

Раз необходимо подобрать слова для деятельности по прочерчиванию сетей, лучшими кандидатами могли бы быть *квази-объекты* Серра²⁵ или *игровые фишки*. Для определения термина важно, что и циркулирующее, и производящее циркуляцию определяются и трансформируются совместно. Мяч, переходящий из рук в руки, — не лучший пример квази-объекта, ведь, хотя он и очерчивает коллективность, а играющая команда не существовала бы без этой перемещаемой фишки, все же последний не изменя-

24. См. перевод статьи Мишеля Каллона «Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё» в следующем номере «Логоса»; Callon M. La science par conférence de presse.

25. Serres M. Statues. Le second livre des fondations. P.: Éditions François Bourin, 1987. См. также: Серр М. Теория квази-объектов / Пер. с англ. А. Писарева // Сигма. 05.06.2015. URL: <http://syg.ma/@alieksandr-14/mishiel-sierr-o-kvazi-obiektakh>; Латур Б. Что такое квази-объект / Пер. с англ. А. Писарева // Сигма. 08.06.2015. URL: <http://syg.ma/@alieksandr-14/bruno-latur-o-kvazi-obiektakh>.

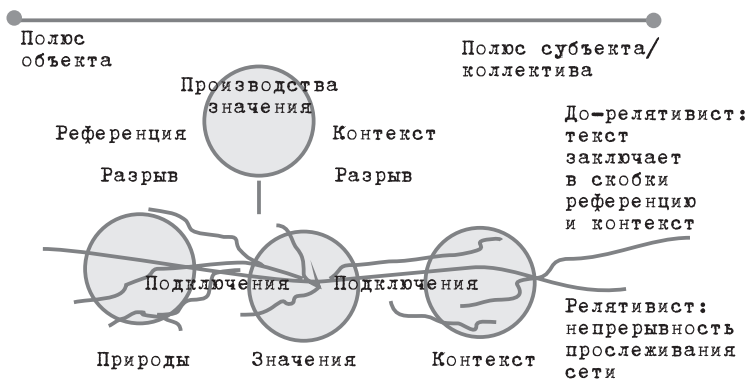

Рис. 9

ется в ходе передач. Наоборот, то, что я называл первым принципом исследований науки²⁶ — высказывание всегда находится в руках других, — это точно такое же приближение, поскольку с самого начала предполагает, что человеческие собеседники, наделенные руками и ртами, передают утверждение, но сами при этом не претерпевают радикальных изменений. Как правило, квази-объект следует представлять как движущийся актант, трансформирующий производящих движение, поскольку они трансформируют движущийся объект. Ситуации, когда фишка остается неизменной или движущие силы нетронутыми, являются исключениями, которые требуют объяснения. Такого определения, что является правилом, а что — исключением, будет достаточно, чтобы отличить АСТ от всех моделей коммуникации, которые, напротив, начинают с тщательного определения двигателей и движущихся объектов и рассматривают помехи обмену как исключения, требующие объяснения. Еще одна черта не позволяет путать АСТ с моделями, центрированными на человеке, языке или практике. Как правило, приводящее в движение и приводимое в движение не имеют никакого специфического *морфизма*. Они могут быть как антропоморфными, так и зооморфными, физиоморфными, логоморфными, техноморфными, идеоморфными, то есть «X-морфными». Может получиться так, что траектории производства ограничат актанты однородным репертуаром людей, или механизмов, или знаков, или идей, или социальных сущностей, но все это — исключения, которые следует объяснять.

26. *Он же*. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

(На самом деле даже различие между циркулирующим объектом и движущими или передающими силами остается открытым для обсуждения²⁷.)

Библиография

- Anderson W. *Diderot's Dream*. Baltimore: Johns Hopkin's University Press, 1990.
- Ashmore M. *The Reflexive Thesis. Wrighting Sociology of Scientific Knowledge*. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- Bastide F. *The Iconography of Scientific Texts: Principle of Analysis // Representation in Scientific Practice* / M. Lynch, S. Woolgar (eds). Cambridge: MIT Press, 1990. P. 187–230.
- Callon M. *La science par conférence de presse // La Recherche*. 1990. Vol. 21. № 225. P. 1184–1190.
- Callon M. *Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay // Power, Action and Belief* / J. Law (ed.). L.: Routledge, 1986. P. 196–223.
- Callon M., Courtial J.-P., Lavergne F. *La Méthode des mots associés. Un outil pour l'évaluation des programmes publics de recherche. Etude pour la National Science Foundation*. P.: Ecole des Mines, 1989.
- Greimas A. *On Meaning. Selected Writings in Semiotic Theory*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1976.
- Hughes T. P. *Networks of Power: Electrification in Western Society, 1880–1930*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1993.
- Hughes T. P. *Networks of Power. Electric Supply Systems in the US, England and Germany, 1880–1930*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1983.
- Jacob C. *L'empire des cartes. Approche theorique de la cartographie a travers l'histoire*. P.: Albin Michel, 1992.
- Latour B. *A Relativistic Account of Einstein's Relativity // Social Studies of Science*. 1988. Vol. 18. № 1. P. 3–44.
- Latour B. *Do Scientific Objects Have a History? Pasteur and Whitehead in a Bath of Lactic Acid // Common Knowledge*. 1996. Vol. 5. № 1. P. 76–91.
- Latour B. *Flat-Earthers and Social Theory // Accounting and Science: Natural Inquiry and Commercial Reason* / M. Power (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. xi–xviii.
- Latour B. *On Actor-Network Theory. A Few Clarifications Plus More than a Few Complications // Soziale Welt*. 1996. Jg. 47. H. 4. P. 1–14.
- Latour B. *The Berlin Key or How to Do Words with Things // Matter, Materiality and Modern Culture* / P. M. Graves-Brown (ed.). L.: Routledge, 1991. P. 10–21.
- Lee N., Brown S. *Otherness and the Actor-Network: the Undiscovered Continent // American Behavioral Scientist*. 1994. Vol. 37. № 6. P. 772–790.
- Lynch M. *Art and Artifact in Laboratory Science. A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*. L.: Routledge, 1985.
- Mapping the Dynamics of Science and Technology* / M. Callon, J. Law, A. Rip (eds). L.: Macmillan, 1986.

27. См. статью Бруно Латура «Берлинский ключ, или Как делать слова с помощью вещей» в следующем номере «Логоса».

- Serres M. *Conversations on Science, Culture and Time with Bruno Latour*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1995.
- Serres M. *Hermes. Literature, Science, Philosophy*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1983.
- Serres M. *Statues. Le second livre des fondations*. P.: Éditions François Bourin, 1987.
- Гарфинкель Г. *Исследования по этнометодологии*. СПб.: Питер, 2007.
- Делёз Ж. *Различие и повторение*. СПб.: Петрополис, 1998.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато. Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Латур Б. *Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- Латур Б. *Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого»*. СПб.: Издательство Европейского университета, 2015.
- Латур Б. *Политика объяснения: альтернатива* // Социология власти. 2012. № 8. С. 113–143.
- Латур Б. *Что такое квази-объект* // Сигма. 08.06.2015. URL: <http://syg.ma/@alieksandr-14/bruno-latur-o-kvazi-obiektakh>.
- Пригожин И., Стенгерс И. *Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой*. М.: Прогресс, 1986.
- Серр М. *Теория квази-объектов* // Сигма. 05.06.2015. URL: <http://syg.ma/@alieksandr-14/mishiel-sierr-o-kvazi-obiektakh>.

ON ACTOR-NETWORK THEORY. A FEW CLARIFICATIONS, PLUS MORE THAN A FEW COMPLICATIONS

BRUNO LATOUR. Professor, Director, Médialab, bruno.latour@sciencespo.fr.
Institut d'Etudes Politiques de Paris (Sciences Po), 27 rue Saint-Guillaume, Paris,
Cedex 07 75337, France.

Keywords: network; actor; topology; contingency; methodology; ontology; semiotics; infralanguage; circulation.

In this article, the author points to a number of common misconceptions about actor-network theory (ANT), which stem from the everyday use of the word “network.” The author explains his choice of this term by stating that it allows us to produce a new ontology, a new topology, and, eventually, new politics. Networks are the endpoint of reduction; there is nothing but networks, which are all contingent in nature. The author explains his approach by drawing on the following key themes: first, the approach includes removing the opposition between distance and closeness. Second, the approach is based on replacing the metaphor of scale with the metaphor of association, eventually bringing about the breakdown of the dichotomy “micro-macro.” Third, the approach includes the removal of the division between inside and outside, and the replacement of this division with the immanence of networks. In addition to this topology, the approach is based on the ontological claim that a network is work that is done by actors who are acting, or entities that are acted upon. Importantly, the author warns against anthropocentrism or sociocentrism in our understanding of this term.

The latter half of the article explains the architecture of ANT, which is based on three main parts. The first part of this architecture is the semiotic understanding of the construction of entities, and this allows us to view all actors as equal no matter what their characteristics or contexts are. Extending semiotics to things allows us to use an empty methodological frame, which can help us to follow any type of actor and to unravel chains of associations and to remain between descriptive and explanatory forms, which is the essence of the second part of ANT architecture. And, finally, the third part consists of the ontological character of networks and actors. The author explains specific relativism, relationism, and reflexivity of ANT and introduces the term “infralanguage.” In addition, the author explains the idea of following and sketching out networks. In the conclusion of the article, the author proposes to view networks as the production and the distribution of characteristics such as “sociality,” “textuality,” and “naturalness.”

DOI: [10.22394/0869-5377-2017-1-173-197](https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-1-173-197)

References

- Anderson W. *Diderot's Dream*, Baltimore, Johns Hopkin's University Press, 1990.
- Ashmore M. *The Reflexive Thesis. Wrihting Sociology of Scientific Knowledge*, Chicago, University of Chicago Press, 1989.
- Bastide F. The Iconography of Scientific Texts: Principle of Analysis. *Representation in Scientific Practice* (eds M. Lynch, S. Woolgar), Cambridge, MIT Press, 1990, pp. 187–230.
- Callon M. La science par conférence de presse. *La Recherche*, 1990, vol. 21, no. 225, pp. 1184–1190.

- Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay. *Power, Action and Belief* (ed. J. Law), London, Routledge, 1986, pp. 196–223.
- Callon M., Courtial J.-P., Lavergne F. *La Méthode des mots associés. Un outil pour l'évaluation des programmes publics de recherche. Etude pour la National Science Foundation*, Paris, Ecole des Mines, 1989.
- Deleuze G. *Razlichie i povtorenie* [Différence et répétition], Saint Petersburg, Petropolis, 1998.
- Deleuze G., Guattari F. *Tysiacha plato. Kapitalizm i shizofreniia* [Mille plateaux. Capitalisme et Schizophrénie], Yekaterinburg, U-Faktoriia, Moscow, Astrel', 2010.
- Garfinkel H. *Issledovaniia po etnometodologii* [Studies in Ethnomethodology], Saint Petersburg, Piter, 2007.
- Greimas A. *On Meaning. Selected Writings in Semiotic Theory*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1976.
- Hughes T. P. *Networks of Power: Electrification in Western Society, 1880–1930*, Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1993.
- Hughes T. P. *Networks of Power. Electric Supply Systems in the US, England and Germany, 1880–1930*, Baltimore, John Hopkins University Press, 1983.
- Jacob C. *L'empire des cartes. Approche theorique de la cartographie a travers l'histoire*, Paris, Albin Michel, 1992.
- Latour B. A Relativistic Account of Einstein's Relativity. *Social Studies of Science*, 1988, vol. 18, no. 1, pp. 3–44.
- Latour B. Chto takoe kvazi-ob'ekt? [What Is a Quasi-Object?]. *Syigma*, June 8, 2015. Available at: <http://syg.ma/@alieksandr-14/bruno-latur-o-kvazi-obiektakh>.
- Latour B. Do Scientific Objects Have a History? Pasteur and Whitehead in a Bath of Lactic Acid. *Common Knowledge*, 1996, vol. 5, no. 1, pp. 76–91.
- Latour B. Flat-Earthers and Social Theory. *Accounting and Science: Natural Inquiry and Commercial Reason* (ed. M. Power), Cambridge, Cambridge University Press, 1996, pp. xi–xviii.
- Latour B. *Nauka v deistvii: sleduia za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013.
- Latour B. On Actor-Network Theory. A Few Clarifications Plus More than a Few Complications. *Soziale Welt*, 1996, Jg. 47, H. 4, pp. 369–381.
- Latour B. *Paster: voina i mir mikrobov, s prilozheniem "Nesvodimogo"* [Pasteur: Guerre et paix des microbes, suivi de "Irréductions"], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2015.
- Latour B. Politika i ob'iasnenie: al'ternativa [The Politics of Explanation: an Alternative]. *Sotsiologiia vlasti* [Sociology of Power], 2012, no. 8, pp. 113–143.
- Latour B. The Berlin Key or How to Do Words with Things. *Matter, Materiality and Modern Culture* (ed. P. M. Graves-Brown), London, Routledge, 1991, pp. 10–21.
- Lee N., Brown S. Otherness and the Actor-Network: the Undiscovered Continent. *American Behavioral Scientist*, 1994, vol. 37, no. 6, pp. 772–790.
- Lynch M. *Art and Artifact in Laboratory Science. A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*, London, Routledge, 1985.
- Mapping the Dynamics of Science and Technology* (eds M. Callon, J. Law, A. Rip), London, Macmillan, 1986.

- Prigogine I., Stengers I. *Poriadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoi* [Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature], Moscow, Progress, 1986.
- Serres M. *Conversations on Science, Culture and Time with Bruno Latour*, Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1995.
- Serres M. *Hermes. Literature, Science, Philosophy*, Baltimore, John Hopkins University Press, 1983.
- Serres M. *Statues. Le second livre des fondations*, Paris, Éditions François Bourin, 1987.
- Serres M. Teoriia kvazi-ob'ektov [Theory of the Quasi-Object]. *Sygma*, June 5, 2015. Available at: <http://syg.ma/@alieksandr-14/mishiel-sierr-o-kvazi-obiektakh>.